

Анна Новикова

Частичка

12+

Анна Новикова

Частичка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67301976

SelfPub; 2022

Аннотация

Оливия долго трудилась для того чтобы попасть на Марс. Казалось, она рождена для этого. Обучение, годы тренировок, тяжелое прощание с родными. Стоило ли оно того?

Анна Новикова

Частичка

16 сентября 2099 года.

Меня зовут Оливия. Я – старший научный сотрудник Мировой научной экспедиции “Марс – 2”.

Сегодня 385 день моего пребывания на Фобосе.

Я точно знаю, что мне осталось жить не более 7 часов.

И я понятия не имею какого черта я пишу все это.

Мои родители были в одной из первых групп исследователей, прибывших с Земли на Луну с миссией колонизации. Это произошло больше тридцати лет назад. Для них, землян, это было невиданным приключением и огромной честью.

Моя мать – агроном, а отец – инженер. Они очень смелые.

Они никогда не гнались за славой “покорителей Луны”, но навсегда вошли в историю как мои родители. Я – первый человек, у кого в графе “место рождения” указана Луна и первое лунное поселение.

Для меня же вся эта жизнь была самой обычной.

Мы смогли попасть на Землю только когда мне было уже десять – и я навсегда запомнила, какой огромной и прекрасной она была. Короткие дни, невероятно комфортная для

жизни температура, растения – прямо из почвы под ногами, огромное количество воды, просто жизнь на поверхности, в конце концов!

Мы прожили на Земле 4 года и вернулись обратно, потому что несмотря на всю красоту этой планеты, родители не могли себе больше найти здесь места.

Однажды вечером отец сел на краешек моей кровати и сказал:

– Дорогая, я знаю, как тебе тут нравится, но мы с мамой очень хотим вернуться к работе на Луне. Я прошу тебя только подумать о возвращении, потому что если ты не согласишься, мы останемся здесь. Мы ведь понимаем, что здесь совсем другая жизнь и не хотим тебя ее лишать.

Мне было тогда 14. И очень смутно, интуитивно, но я уже понимала, о чем грустят родители. Это не работа, не слава, не любопытство. Это космос. Если ты был там – ни одно чудо Земли или Луны тебя больше не удовлетворит. Ты тоскуешь, чахнешь, хочешь ощутить снова эту бездну, заглянуть в ее пасть и раствориться в ней, ее крохотная частичка.

Я ответила папе что совсем не против вернуться домой. Расставание с земными родственниками и друзьями было болезненным, но когда мы вернулись, масштаб изменений нас поразил.

За прошедшие четыре года наше лунное поселение сильно разрослось. Луна на Земле стала притчей во языцях –

ведь поселение вопреки сомнениям скептиков жило, развивалось, было близко к добыче драгоценных металлов, а главное – колонизация Луны означала возможность колонизации Марса, что уводило нас в до этого неизведанные дали и открывало массу возможностей. Огромные средства начали вливать в развитие Луны, стало прибывать все больше людей. Родилось много детей, знавших о Земле только по рассказам родителей.

Мы, первое поколение лунян, считали себя совсем другими – отдельной планетой. Все больше становилось разговоров о сепарации Луны и объявлении ее независимости. Но чем больше развивалась Луна, тем больше ей хотели завладеть корпорации и государства Земли. Политическая обстановка накалялась.

Когда я заканчивала школу передо мной встал трудный выбор. С одной стороны, я очень хотела защищать права граждан Луны и их свободы, а это означало что нужно идти учиться на юриста и правозащитника. С другой – я чувствовала, что это был бы путь разрушения. Мои родители делали большую работу ДЛЯ человечества, а не против него, и, несмотря на любовь к Луне, мне больше всего хотелось мира и космоса. Я решила стать агрономом, как мама. После обучения мы работала вместе с ней, когда я узнала о наборе второй экспедиции на Марс.

Знаете, то чувство, когда во сне падаешь в пропасть, сердце уходит в пятки, не чувствуешь опоры под ногами, а потом резко просыпаешься весь в поту? Вот такое чувство бесконечного падения, только без пробуждения было у меня, когда мне сказали, что я прошла отбор.

В тот момент я поняла, что чувствовали мои родители когда в первый раз летели на Луну.

Проблемой был мой парень, Джим. Он совсем по-другому представлял наше будущее. Нам пришлось расстаться, как-то поспешно и неуклюже, и я все винила себя за то, что никак не чувствую себя виноватой или хотя бы немножко несчастной по поводу этого разрыва. Все мое настоящее вдруг стало ненастоящим перед таким масштабом будущего.

Первая экспедиция на Марс благополучно вернулась в полном составе год назад. Они пробыли там пару лет. Меньше невозможно, так как орбитальные периоды оставляют пусковые окна только раз в два года – в моменты максимального сближения.

В этот раз, мы должны были провести там 4 года.

Первый год я должна была работать одна на крошечной, заранее подготовленной базе на Фобосе, делая расчёты. Команда же, пересев на Фобосе на челнок и захватив с собой ядерный реактор и припасы – лететь на Марс. Их задачей

было доставить реактор, включить и проверить готовность оставшейся после первой экспедиции базы, организовать работу роботов на поверхности. Почву нужно было обеззаразить, удобрить перед первыми экспериментами по посадке культур. На Марсе почва щелочная и в ней не хватает важных соединений азота.

Через год я должна была спуститься к ним и продолжать исследования, изучать анализы обновлённой почвы и полученных культур. Еще через год, в пусковое окно, нам на орбиту должен был прийти груз с Луны – вода, питание, ядерное топливо. И после этого мы продолжали бы работать еще два года до отправления домой.

Таков был план.

Мы готовились к этому полету почти три года. И это было лучшее время в моей жизни. Наша команда, моя семья – ближе мы еще никогда не были. Родители очень волновались за меня, но поддерживали.

В ночь перед отправкой на Марс, лежа в постели я думала о том, насколько же силен и вынослив может быть человек.

Когда начиналась колонизации Луны, многие не верили что это возможно. И правда, после такой идеальной Земли, Луна выглядела чудовищно для жизни непривыкшего человека – огромная разница температур между освещенной и неосвещенной сторонами, отсутствие атмосферы, огромный

слой пыли из заостренных частиц, день длящийся 29 земных суток, вечная жизнь в туннелях, под куполом... И вот сейчас, почти 30 лет спустя, популяция Луны около десяти тысяч человек, все здоровы и счастливы.

Мама немного всплакнула, когда мы прощались, но все прошло хорошо. С семьями, так же, как и с экипажем, работают психологи, да и моим родителям не привыкать к такому образу жизни, нас учили прощаться не разрывая друг другу сердце.

В нашей команде было 13 человек. Кора, Майкл, Слава, Натали, Юлия, Джуд, Семен, Никос, Марио, Питер, Анна, Боб. И я.

После остановки на Фобосе мы разделились, ребята улетели на Марс, я осталась здесь. Я никогда не боялась одиночества, меня ждала интересная работа, и мы должны были много общаться с командой. Мне нужны были образцы уже удобренной почвы и результаты первых посадок, поэтому я должна была к ним прилететь только через год. На поверхности Марса радиации в 50 раз больше, чем на Земле, и за три – четыре года можно получить ее с лихвой, поэтому периодически члены команды будут меняться между собой и также улетать в укрытие, когда я спущусь на Марс.

Первое время мне трудно было понять, что случилось. Все

сигналы от команды пропали. Я ждала, а дальше – все по протоколу – связалась с Луной, сообщила о пропаже.

Через время стало известно, что у челнока не сработала система приземления и он разбился на Марсе. О выживших неизвестно, да это и невозможно. Шок, принятие, слезы.

А потом..

Осознание ударило внезапно, как звонкая оплеуха – я здесь умру.

Запасов еды и воздуха на этой базе – ровно на год, если собрать весь резерв – то на год и месяц. Еще несколько лишних часов можно протянуть если перебраться на основной корабль, который тоже на Фобосе. Помощь придет только через два года.

Если даже я спущусь вниз, на Марс, к основной базе, то не смогу включить системы жизнеобеспечения – ведь ядерный реактор был на разбившемся челноке.

–

Нет, но послушайте же меня!!! – кричала я, глядя в скорбное лицо начальника во время видеосвязи – Я могу попробовать спуститься, разыскать обломки челнока, вдруг урановые стержни не повредились... Я, я хотя бы попробую...

–

Оливия – в его серых глазах читалась грусть, между бровями залегла глубокая складка – Я понимаю, что это сложно

принять, правда. Но ты там ничего не найдешь, это огромное количество металла, рассеянное по огромной территории и занесенное пылью. К тому же, это слишком далеко от основной базы. Ни у одного марсохода не хватит заряда провести столько времени на поверхности. И если спуститься на твоём челноке практически без топлива на Марс возможно, то подняться обратно на Фобос без топлива ты уже не сможешь. А смерть от удушья в скафандре, это ужасно, поверь. Мне жаль.

***

Мы привыкли, когда из жизни уходят от старости или болезни, или когда происходит какое-то событие, которое забирает жизнь внезапно. Но умирать здоровым, молодым, сильным от несчастного случая, который произошел не с тобой – это страшно.

Страшно целый год тренироваться каждый день, чтобы мышцы не атрофировались, с полным пониманием что делать это больше все равно не зачем. Страшно есть, когда ты точно знаешь дату своего последнего приема пищи. Страшно обсуждать с коллегами, какой способ убийства себя лучше выбрать.

Теперь я точно знаю, как именно уйду. Мы проговаривали разные варианты с руководством, мне каждый день звонили

психологи. В корпорации долго решали этот вопрос, потом со мной говорил врач и дал рекомендации сколько и каких медикаментов мне нужно принять, чтобы умереть спокойно во сне. Не самый плохой вариант.

За этот год я обсудила все на свете с родителями (они связываются со мной каждый день), обдумала множество вещей, и сейчас уже в состоянии рассуждать спокойно.

Сегодня, по заранее спланированному сценарию, я должна попрощаться со всеми, после чего выпить лекарства и уснуть.

Как себя должен чувствовать человек, который сегодня умрет? Я не знаю, но я точно знаю, что до сих пор не осознаю этого до конца.

Зудящая мысль, даже не мысль, а бредовая идея на краешке сознания не дает мне успокоиться.

Прямо сейчас, пока я это пишу, а кислорода у меня осталось уже только на 6 часов, я, кажется, поняла что должна попытаться сделать что-то.

***

Мама, папа, скорее всего, вы это прочтете очень не скоро, только когда сюда прилетит следующая экспедиция.

Сейчас я спущусь на Марс, возьму марсоход и попытаюсь

найти в обломках те урановые стержни. Если я их найду, возможно я смогу включить систему жизнеобеспечения на основной базе и дотянуть до прибытия помощи через год. Конечно, я получу большую дозу радиации, и мы все знаем, что шансов почти ноль, но я должна попробовать.

Простите, что не созвонилась с вами для прощания, как обещала.

Простите, что не смогла принять смерть.

Я вас очень люблю, и эта жизнь – лучшее из того, что можно было желать.

Только благодаря вам я не боюсь темноты космоса. Не боюсь заглянуть в пасть бесконечности, ведь я сама – ее маленькая частичка.